

не вытрымала, як казаў пасля *лекар* [4, с. 44]; Тады адбываюцца ігрышчы з іхнімі песнямі, *напрадухі* з бясконцамі гісторыямі, а пазней — сялянскія вяселлі [4, с. 8] і інш.

– выкарыстанне архаізмаў і гістарызмаў, якія непрыкметна ўплецены ў мову твора без тлумачэння і выдзялення іх двукоссем. Для вызначэння семантыкі ў такім выпадку важную ролю адыгрывае кантэкст, напрыклад: І толькі потым прыходзяць бяссонныя ночы над шматком газеты, на якім надрукавана такімі ж літарамі, як і ўсё, што сёння ўзвялі на *шыбеніцу* трох, разумеецца, трох, жывых і вясельных. Потым прыходзіць і жаданне ахвяраваць сабою [4, с. 6]; Памінаючы ліхам майго знаёмага, які штурхнуў мяне ў гэткую прыгоду, я сказаў *фурману*, каб ён ехаў хутчэй, і шчыльна закруціўся ў плашч [4, с. 10]; О, каб ведаў ты, як палаюць *паходні* на сценах залы для піроў, каб ведаў ты, якая насалода цалаваць да крыві каханкаў, дваіх звесці ў бойцы, аднаго атруціць, аднаго кінуць у рукі кату, дапамагаць мужу страляць з вежы па наступаючых ворагах, яшчэ аднаго каханка амаль звесці ў магілу сваім каханнем і пасля ўзяць ягоную правіну на сябе, скласці на *эшафоце* сваю галаву з высокім белым ілбом і складанай прычоўскай [4, с. 16] і інш.

– выкарыстанне аднакаранёвых слоў, напрыклад: — *Граф* Беларэцкі?<...> Бачыце вы, ён на *графства* спадзяецца [4, с. 12]; Перад намі была вялікая прыхожая-гасціная, як гэта вадзілася ў старасвецкіх *панскіх* дамах. <...> Я ахмістрыня ў лепшым з лепшых дамоў, у добрай сям’і, зразумейце гэта, *пан* купец [4, с. 15] і інш.

– тлумачэнне відавога паняцця праз родавае паняцце, напрыклад: І ў руках у гэтай бабулі быў вялізны пачны *рагач*: зброя [4, с. 13]; *Дрыганты*, парода, якая знікла, а калі нават і не знікла, дык хто ў гэтым закутку быў такі багаты, каб купіць іх [4, с. 112] і інш.

– тлумачэнне праз выкарыстанне сінонімы, напрыклад: Гэта была нават не зусім *стрэльба*, да яе больш пасавала б назва «*мушкет*» [4, с. 14]; Гэта кручкі, гэта *тарцюфы*, гэта... дрэнныя і наскрозь *прадажныя людзі* [4, с. 130] і інш.

– тлумачэнне, пададзенае ў форме ўстаўной канструкцыі, выдзеленай дужкамі. Сустрэкаюцца выпадкі, калі да агульнаўжывальнага слова аўтар ва ўстаўной канструкцыі падае ўстарэлае слова, напрыклад: — Гляньце, якая *свірэпа* (свірэпаю ў беларускай мове XVI стагоддзя называлі клячу) [4, с. 46]; На чалавеку была вопратка, якую зараз можна пабачыць толькі ў музеі: чырвоныя боты на высокіх абцасах з *падкоўкамі* (такія прызываліся ў нашых продкаў кабцямі), абцягнутыя порткі з *каразеі* — тонкага сукна [4, с. 48] і інш.

Як падкрэслівае А. Верабей, «творчасць У. Караткевіча вызначаецца сацыяльным гучаннем, псіхалагічнай напоўненасцю і філасафічнасцю. Адкрываючы беларускую гісторыю, ён тым самым абуджаў у народзе гістарычную памяць, выхоўваў у ім любоў да роднай мовы і культуры, паказваў, што мінуўшчына існуе ў непарыўнай павязі з сучаснасцю і будучыняй. Падзеі далёкага мінулага Караткевіч асэнсоўваў з улікам важных, усеагульных праблем сучаснага свету» [5, с. 204].

Заклучэнне. Умелае выкарыстанне У. Караткевічам гістарызмаў і архаізмаў у аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» дапамагае атрымаць больш яркае ўяўленне пра другую палову XIX стагоддзя. Аднак, паколькі мастак перадае падзеі, што адбываліся ў далёкім мінулым, то ён прыкладае значныя намаганні для стварэння спрыяльных умоў сучаснаму чытачу для паўнаватраснага ўспрымання зместу твора. Каб спрасціць разуменне лексікі пасіўнага складу, якая арганічна ўключаецца ў змест, пісьменнік выкарыстоўвае рознастайныя спосабы: падбор сінонімаў; падрабязнае апісанне прадметаў, з’яў, паняццяў; выкарыстанне архаізмаў і гістарызмаў, якія не патрабуюць спецыяльных тлумачэнняў, бо сэнс іх лёгка вызначаецца па семантыцы частак агульнавядомых слоў; выкарыстанне аднакаранёвых слоў да гістарызмаў, значэнне якіх ужо растлумачана ў змесце твора; тлумачэнне відавога праз родавае паняцце.

Спіс цытуемых крыніц

1. *Шынкарэнка, В. К.* Прынцып гістарызму і яго мастацкая рэалізацыя ў творчасці У. Караткевіча / В. К. Шынкарэнка // Весті АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — Мінск: Навука і тэхніка, 1984. — № 6. — С. 90.
2. *Цікоцкі, М. Я.* Стылістыка беларускай мовы / М. Я. Цікоцкі. — Мінск: Вышэйшая школа, 1995. — 267 с.
3. *Андарало, Г. Ф.* Устаревшая лексика в исторических произведениях В. Караткевича: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Андарало Галина Фёдоровна. — Мінск, 1993. — 19 с.
4. *Караткевіч, У. С.* Дзікае паляванне караля Стаха: апошняя аповесць «Сямейных паданняў роду Яноўскіх», расказаная Андрэем Беларэцкім / У. С. Караткевіч; маст. М. Басальга. — Мінск: Беларусь, 2022. — 175 с.
5. *Верабей, А. Л.* Уладзімір Караткевіч: жыццё і творчасць / А. Л. Верабей. — 2-е выд., дапрац. і выпраўл. — Мінск: «Беларуская навука», 2005. — 271 с.

УДК 82-32

Д. В. Снежинская, О. Н. Фенчук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет», Воронеж, Российская Федерация

ДЕТАЛЬ И ДИАЛОГ В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА ГЕРОИНИ РАССКАЗА И. БУНИНА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Введение. Последние годы ознаменованы обращением к русской классике рубежа XIX—XX вв. Это обусловлено возвращением в русскую литературу произведений писателей, определявших духовную атмосферу серебряного века. Во все времена писатели поднимали в своем творчестве «вечные вопросы»: добра

и зла, жизни и смерти, любви и разлуки. Одной из вечных общечеловеческих ценностей является любовь. Это состояние человека, когда в нем возникает ощущение целостности личности, согласия чувственного и духовного начал, тела и души. И именно женщина, ощутив полноту бытия в любви, способна предъявить к жизни высокие требования и ожидания. В русской классической литературе женские образы занимают важную роль.

Художественный образ представляет собой систему определённых элементов, смысловая значимость которых обнаруживается в их взаимосвязи и взаимовлиянии. В изображении образа персонажа, важным элементом является его портрет. Писатель, детально представляя портреты героев, стремится к всестороннему изображению нравов и характера человека. Не менее важно описание одежды. Диалог в своем составе и организации отражает присущие ему закономерности, характерные для разговорной речи — ситуативность, спонтанность, ориентированность на собеседника и т. д. Вместе с тем, он выполняет характерологические задачи, непосредственно выражает индивидуальные особенности говорящих, указывает на их статус. Объединяющим разрозненные отрезки диалогической речи, является образ персонажа.

Основная часть. Образ героини рассказа И. Бунина «Солнечный удар» намечен схематично. Автор уделяет в своём повествовании внимание герою рассказа и ограниченно представляет героиню. Образ главного героя прописан более ярко и подробно. Образ героини — её внешность и характер раскрываются в скупых деталях описания и диалогах. В «Солнечном ударе» И. Бунин рассказывает о драме людей, познавших подлинную любовь, которая писателем сравнивается с «солнечным ударом». Автор смотрит на происходящее глазами героя, но при этом главным действующим лицом становится героиня. Не случайно И. Бунин избегает упоминания имён: ведь имя придает сюжету конкретность, вызывает у каждого читателя какие-то собственные, индивидуальные ассоциации, между тем писатель стремится к обобщенности. Исследователь М. В. Михайлова указывает: «В любви герои Бунина подняты над временем, обстановкой, обстоятельствами. Что мы знаем о героях «Солнечного удара»? Ни имени, ни возраста» [1, с. 52].

Обращаясь к тексту, в надежде найти в нём чёткий, ярко представленный образ главной героини мы будем разочарованы. Автор ограничивается некоторыми деталями её портрета: «рука, маленькая и сильная, пахла загаром» [2, с. 102]; «крепка и смугла она вся под этим лёгким холстинковым платьем» [2, с. 102]; «была свежа, как в семнадцать лет» [2, с. 103]; «проста, весела и — уже рассудительна» [2, с. 103]. Представление о «таинственной незнакомке», как себя называет героиня рассказа, на этом и заканчивается. Но и этих деталей достаточно, чтобы составить о ней представление. Женщина выглядит как юная девушка несмотря на то, что она намного старше. Она следит за собой и, видимо, не избегает физических упражнений. От природы она имеет прекрасную фигуру, и деталь, указывающая на простоту её одежды — незатейливое холстинковое платье — говорит о том, что эта простота не портит её вид.

Дополняют образ героини высказывания. «Таинственная незнакомка» очарована молодым офицером, об этом говорят её слова: «Я, кажется, пьяна... Откуда вы взялись? Три часа тому назад я даже не подозревала о вашем существовании. Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре? Но все равно... Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваем?» [2, с. 102]. Чувство опьянения, о котором говорит героиня, указывает не на физическое опьянение, а опьянение душевное — она понимает, что влюбилась. Головокружение подтверждает предыдущую мысль. Она плохо понимает, что происходит. Читатель, не зная последующих событий, может принять её за женщину лёгкого поведения — трудно судить о мотивах её поступка.

Следующая фраза поручика, предложившего сойти с парохода, ставит женщину в тупик, но она, находясь в состоянии эйфории не способна к рациональному мышлению и отвечает: «Ах, да делайте, как хотите» [2, с. 102]. Эта фраза говорит о нежелании брать ответственность за происходящие события на себя. В итоге героиня невольно дарит поручику не окрыляющую любовь, а всепоглощающее тяжёлое бремя. Причиной этого бремени стали слова женщины о том, что «ночное приключение» для неё необычно: «Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли обо мне подумать. Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной не было, да и не будет больше» [2, с. 103]. С ней произошло что-то из ряда вон выходящее: «На меня точно затмение нашло... Или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара...» [2, с. 102]. Она заявляет о невозможности продолжения их отношений.

Для более глубокого понимания образа героини «Солнечного удара» необходимо обратить внимание на внесюжетные элементы текста — пейзаж, интерьер и портрет. Лейтмотив бунинского рассказа — палящее жаркое солнце, заливающее город. Сквозной мотив обжигающих солнечных лучей и раскалённого воздуха надлён дополнительным смыслом: солнце и жара ассоциируются с жаром недавно пережитой страсти.

В условно второй части рассказа, следующей за расставанием героев, в описании солнца и его действия на поручика доминируют оттенки значения, связанные с испелением, сожжением. «Погоны и пуговицы его кителя так нажгло, что к ним нельзя было прикоснуться. Околыш картуза был внутри мокрый от пота, лицо пылало...» [2, с. 105]; «Он вернулся в гостиницу, точно совершил огромный переход где-нибудь в Туркестане, в Сахаре» [2, с. 106—107]; «в номере было душно и сухо, как в духовой печи...» [2, с. 107]. Любовь не столько дарит счастье, сколько превращает одержимого ею в пепел. Насколько хороша эта женщина, настолько сильно сжигает героя её отсутствие.

По возвращении героя номер «был ещё полон ею — и пуст» [2, с. 103]. Он почувствовал ещё летающий в воздухе хороший английский одеколон женщины, заметил её недопитую чашку на подносе. Эти мелкие детали быта напоминают ему хрупкую, утончённую, ухоженную даму с парохода. И дополняют её образ.

Хороший английский одеколон говорит об изысканном вкусе женщины, о её состоятельности. Возможно, её муж богатый человек и ей не хочется разрывать отношения, которые комфортны для неё. Хотя, скорее, женщина не хочет разрушать семью, наносить рану дочери и мужу.

«Уехала — и теперь уже далеко, сидит, вероятно, в стеклянном белом салоне...» [2, с. 103] — говорит герой о своей возлюбленной. Говоря о ней, упоминаются светлые цвета, например, белый — цвет святости и отрешённости от мирского, устремленности к духовной простоте и возвышенности; это символ чистоты, непорочности, причастности Божественному миру. Для поручика она отныне что-то недосыгаемое. Героиня покинула его, вернувшись к своей прежней жизни с мужем и ребёнком. Долг для неё — долг жены, долг матери, — превыше всего.

Романтическая обстановка теплой ночи подтолкнула молодых людей друг к другу. Картина же рассвета становится своеобразной эпитафией внезапно вспыхнувшего чувства: «Темная летняя заря потухала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, ещё кое-где светившейся дрожащей рябью... Водали под ней, под этой зарей, и плыли и плыли назад огни, рассеянные в темноте вокруг...» [2, с. 108]. Эта фраза говорит о заре, рассеивающей ночной мрак, заре высвечивающей людские пороки, грехи и тайны. Заря снимает с женщины ночной морок, но не освобождает офицера от нахлынувшего чувства. Встреча с героиней разделила жизнь мужчины надвое. Его беззаботная жизнь превратилась в мучительную пытку из-за «забавного знакомства». Дома героиню ждёт семья. Однако нам неизвестно каковы отношения женщины с мужем. Она отдыхала одна, следовательно, можно предположить, что муж доверяет ей, и отпустил одну на морское побережье (место флирта и любви), а может быть охладел. Несомненно, что жизнь её, «обычная» повседневная жизнь, стала для неё однообразной и скучной — она ведёт себя так, словно была готова к подобным событиям.

Видимо, ей стыдно, она пытается уйти от произошедшего, списать всё на внешний фактор — солнечный удар. Для неё это ошибка, от которой необходимо как можно скорее избавиться. После ночи, проведенной с поручиком, она исчезает из его жизни также быстро, как и вошла в неё. Разум берет верх. Страсть, возникшая между едва знакомыми людьми во время путешествия, показана И. А. Буниным как одна из возможных ситуаций любовных отношений. Вспыхнувшая было любовь была оборвана, по инициативе героини. Связь офицера и молодой женщины не перешла в официальные отношения. Представляется очевидным, что помимо самого чувства, автор указывает на греховность этих отношений. Для женщины эта связь — грех, для поручика страстная любовь, которая оставляет сожаление и боль расставания, т. к. он ничего не знает о своей спутнице, она остаётся таинственной незнакомкой.

Любовь может появиться внезапно и также внезапно исчезнуть. В разлуке есть своё значение, она оставляет пылкое чувство глубоко в душе. Постоянно прослеживающийся мотив жары, детали, рисующие эту картину — солнце, сухость, духота, противоборствуют с «голубоватым небосклоном», «легким ветерком», «блестящей Волгой», с прохладной водой. От палящего солнца можно погибнуть — связь офицера и «таинственной незнакомки» могла привести к трагедии. Мы не знаем, как повели бы себя герои в случае продолжения отношений. Не можем знать реакцию мужа. Николай Кульман в рецензии на рассказ «Солнечный удар» предположил, что в этом рассказе выражена идея о том, что «в любви высшее наслаждение и безысходное страдание связаны потому, что только в страсти любви наиболее остро испытывается радость бытия, самозабвенное слияние с миром и вместе с тем ощущается страшная близость смерти, все разрушающей и тоже все сливающей с миром вечным» [3, с. 3].

Заключение. Молодая женщина появилась в жизни офицера также внезапно и неожиданно, как и покинула её — легким ветерком, над блестящей Волгой, и осталась в памяти голубоватым манящим небосклоном. Образ героини соткан из воспоминаний героя, женщина присутствует в рассказе, благодаря воспроизводимым героем деталям её одежды, описаниям тела, звукам её голоса. Отрывочные фразы героини, приводимые в рассказе, позволяют пусть и в общих чертах восстановить её характер.

Список цитируемых источников

1. Михайлова, М. В. И. А. Бунин. «Солнечный удар»: беспамятство любви и память чувства // Русская литература XIX—XX веков : учеб. пособие для поступающих в МГУ им. М. В. Ломоносова : в 2 т. — М., 2000. — Т. 2. — С. 51—58.
2. Бунин, И. А. Солнечный удар / И. А. Бунин // Легкое дыхание: рассказы, стихотворения. — Л. : Дет. лит., 1991. — С. 101—108.
3. Кульман, Н. «Солнечный удар» Ив. Бунина / Н. Кульман // Возрождение. — 1927. — № 611. — С. 2—3.

УДК 811.161.3'373

А. В. Солахаў¹, Б. А. Крук²

¹Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы, Рэспубліка Беларусь

²Установа адукацыі «Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна», Мазыр, Рэспубліка Беларусь

СЛОВАТВОРЧАСЦЬ ВАЛЯНЦІНЫ АКОЛАВАЙ

Уводзіны. Валянціна Аколава — паэтка, якая актыўна займаецца словаўтварэннем. Яе індывідуальна-аўтарскія неалагізмы (ІАН) служаць яркім вобразна-выяўленчым сродкам, дапамагаюць зрабіць паэтычны радок больш выразным і дакладным. Аднак гэта адбываецца не заўсёды, таму што многія вершы В. Аколавай